

Дело о разводе. Ги де Мопассан

Слово получил адвокат г-жи Массель:

— Господин председатель, господа судьи!

Дело, которое я должен защищать перед вами, относится скорее к медицине, нежели к юриспруденции, и представляет собою скорее патологический случай, чем правовой вопрос. С первого взгляда факты весьма просты.

Очень богатый молодой человек, благородной и восторженной души, великодушного сердца, влюбляется в необычайно красивую, более чем красивую, восхитительную девушку, столь же изящную, обаятельную, добрую и нежную, как и красивую, и женится на ней.

Некоторое время он ведет себя как самый заботливый и нежный супруг; потом начинает пренебрегать женой, грубо обращаться с ней и как будто испытывает к молодой женщине непреодолимое отвращение, непобедимую гадливость. Однажды он даже наносит ей побои, и не только без всякой причины, но даже без всякого повода.

Я не стану, господа, развешивать перед вами картину его странных, ни для кого не объяснимых поступков. Не стану описывать вам ужасную совместную жизнь этих двух людей и тяжелое горе молодой женщины.

Чтобы убедить вас, достаточно будет огласить несколько отрывков из дневника этого несчастного человека, этого несчастного безумца. Ибо, милостивые государи, перед нами безумец, и дело тем более любопытно, тем более интересно, что тут имеется много общего с сумасшествием недавно скончавшегося злосчастного и диковинного короля^[1], который платонически управлял Баварией. Этот медицинский случай я назвал бы поэтической манией.

Вы помните все, что рассказывалось об этом странном государе. В великолепнейшей местности своего королевства он построил настоящие феерические замки. Но реальная красота пейзажей и предметов не удовлетворяла его, и он при помощи театральной бутафории создал в своих невероятных поместьях искусственные горизонты, обманы зрения, нарисованные леса, сказочные царства, где на деревьях висели листья из драгоценных камней. Там были Альпы с ледниками, степи, песчаные пустыни, сожженные солнцем; а ночью, при настоящей луне, озера освещались со дна волшебным электрическим светом. По этим озерам плавали лебеди и скользили челноки, а в это время душу царственного безумца опьянял оркестр, составленный из лучших артистов мира.

Этот человек был чист, этот человек был девственником. Он никогда никого не любил, кроме мечты, своей мечты, своей божественной мечты.

Однажды вечером он пригласил покататься на лодке молодую красивую женщину, знаменитую певицу; он попросил ее спеть. Она запела, опьяненная изумительным пейзажем, нежной теплотой вечернего воздуха, благоуханием цветов, восторгом юного и прекрасного государя.

Она пела, как поет женщина, которой коснулась любовь, а потом, теряя голову, трепеща, бросилась на грудь к королю, ища губами его губы.

Но он сбросил ее в озеро, взялся за весла и поплыл к берегу, не беспокоясь о том, спасут ее или нет.

Перед нами, господа судьи, вполне сходный случай. Теперь я только оглашу здесь выдержки из дневника, обнаруженного нами в ящике письменного стола.

...

«Как все печально и некрасиво, всегда одинаково, всегда безобразно! Как я мечтаю о более прекрасной, о более благородной, более разнообразной земле! Каким убогим воображением должен обладать их бог, если только он существует и если им не создано в другом месте что-либо иное.

Вечно леса, лесочки, реки, похожие на всякие другие реки, равнины, похожие на всякие другие равнины, — все одинаково и монотонно. А человек!.. Человек!.. Какое ужасное животное, злое, самолюбивое, отвратительное...

...

Надо полюбить, полюбить безумно, так, чтобы не видеть, кого любишь. Потому что видеть — значит понимать, а понимать — значит презирать. Надо полюбить и опьяниться ею, как пьянеешь от вина, так, чтобы уже не чувствовать, что ты пьешь. И пить, пить, пить день и ночь, не переводя дыхания!

...

Я, кажется, нашел. Во всем ее облике есть нечто идеальное, будто не от мира сего, нечто, придающее крылья моей мечте. Ах, моя мечта, какими непохожими на самих себя рисует она мне людей! Она блондинка, светлая блондинка, с непередаваемым оттенком волос. Глаза у нее голубые! Только голубые глаза могут увлечь мою душу. Всю женщину — женщину, живущую в глубине моего сердца, — я познаю по глазам, только по глазам.

О, тайна! Какая это тайна — глаз!.. В нем вся вселенная, ибо он видит, ибо он отражает ее. Он обнимает всю вселенную — вещи и живые существа, леса и океаны, людей и животных, солнечные закаты, звезды, произведения искусства, все, все; он все видит, все собирает и похищает; и больше того: в нем живет душа человека, который мыслит, смеется, любит, страдает. О! Поглядите в голубые глаза женщины, в эти глаза, глубокие, как море, изменчивые, как небо, такие нежные, нежные, как ветерок, как музыка, как поцелуй, и такие прозрачные,

ясные, что сквозь них видна душа, голубая душа, дающая им цвет, оживляющая и обожествляющая их.

Да, у души цвет взгляда. Только голубая душа таит в себе мечту: она берет лазурь у волн и у простора.

Глаз! Подумайте только! Глаз! Он вбирает видимую жизнь и питает ею мысль. Он вбирает весь мир — цвета, движения, книги, картины, все прекрасное и все безобразное, — из всего этого создает мысль. А когда он обращен на нас, он дает нам ощущение неземного счастья. Он позволяет нам предчувствовать то, чего мы никогда не будем знать; он заставляет нас понимать, что действительность наших снов — это презренная грязь.

...

Я люблю ее и за походку.

У птиц и на ходу мы ощущаем крылья, сказал поэт.

Когда она идет, чувствуется, что она не из той породы, что остальные женщины, а из другой, более легкокрылой и божественной...

...

Завтра я женюсь на ней... Я боюсь... боюсь многого...

...

Два зверя, две собаки, два волка, две лисицы бродят по лесам и встречаются. Один — самец, другая — самка. Они спариваются. Спариваются по животному инстинкту, заставляющему их продолжать род, свой род, тот, от которого они получили формы тела, шерсть, рост, движения и повадки.

Так делают все животные, сами не зная, почему!

И мы тоже.

...

Это самое сделал и я, когда женился на ней: я подчинился тому нелепому порыву, который бросает нас к самке.

Она моя жена. Пока я желал ее идеально, она была для меня мечтой, неосуществимой и готовой осуществиться. С того самого мгновения, когда я обнял ее, она стала лишь тем существом, которым воспользовалась природа, чтобы обмануть все мои надежды.

Обманула ли она их? Нет. И все же я устал от нее, так устал, что не могу прикоснуться к ней, дотронуться до нее рукой или губами, чтобы сердце мое не жглось невыразимым отвращением, — быть может, не отвращением к ней, но отвращением более возвышенным, более серьезным, более презрительным — отвращением к любовным объятиям, таким гнусным, что для всех утонченных существ они превратились в постыдный акт, который надо скрывать, о котором говорят лишь шепотом, краснея.

...

Я видеть не могу, как жена приближается ко мне, зовет меня улыбкой, взглядом, жестом. Не могу. Когда-то я думал, что ее поцелуй унесет меня в небеса. Однажды она захворала — небольшая простуда, — и в ее дыхании я почувствовал легкий, тонкий, почти неуловимый запах гниения. Я был потрясен!

О, плоть, живой и пленительный тлен, ходячая падаля, которая думает, говорит, глядит и смеется, — в ней переваривается пища, и эта розовая плоть прекрасна, соблазнительна и обманчива, как душа.

...

Почему цветы, только цветы пахнут так хорошо, огромные, яркие или бледные цветы; их тона и оттенки приводят в трепет мое сердце и привораживают взгляд... Они так прекрасны, строение их так тонко, так разнообразно и так чувственно; они приоткрыты, как диковинные органы, они соблазнительнее губ, они полые, с вывернутыми губами, зубчатыми, мясистыми, осыпанными жизненной пылью, которая в каждом цветке порождает особый аромат.

Только они, только они одни в мире не грязнят, оплодотворяясь, своей чистой породы, но распространяют кругом божественное благоухание любви, ароматный пот своих ласк, эманацию несравненных тел, своих тел, украшенных всею грацией, всем изяществом форм, привлекающих всеми окрасками, соблазняющих всеми запахами».

...

Отрывки из записей, сделанных через полгода

«...Я люблю цветы не как цветы, но как очаровательные телесные существа; все дни и ночи я провожу в оранжереях, где цветы спрятаны у меня, как жены в гареме.

Кто, кроме меня, знает сладость, безумие, трепетный, плотский, идеальный, сверхчеловеческий экстаз этой нежности? А эти поцелуи на розовом теле, на красном теле, на белом теле, на чудесно разнообразном, хрупком, редкостном, тонком, нежном теле изумительных цветов!

У меня есть оранжевые, куда не входит никто, кроме меня и садовника.

Я прокрадываюсь туда, как в место тайных наслаждений. Сначала иду по высокой застекленной галерее, между двумя рядами сомкнутых, приоткрытых или распутившихся венчиков, спускающихся пологом от крыши до потолка. Они посылают мне первый поцелуй.

Но эти цветы, украшающие собою преддверие моих тайных страстей, не фаворитки мои, а только служанки.

Они приветствуют меня, когда я прохожу, своими изменчивыми красками, своим свежим дыханием. Они грациозны, кокетливы, они поднимаются в восемь ярусов справа и в восемь ярусов слева и растут так тесно, что кажется, будто к моим ногам спускаются два сада.

При виде их сердце мое бьется, глаза загораются, кровь кипит в жилах, душа опьяняется, и руки уже трепещут от желания прикоснуться. Я прохожу. В конце этой высокой галереи три запертых двери. Я могу выбирать. У меня три гарема.

Чаще всего я вхожу к орхидеям, к любимым моим усыпительницам. Комната у них низкая, душная. От горячего и сырого воздуха тело становится влажным, дыхание прерывистым, пальцы дрожат. Эти загадочные девы приходят к нам из болотистых стран, знойных и нездоровых. Они привлекательны, как сирены, смертельны, как яд, они изумительно причудливы, они волнуют, ужасают. Вот они, похожие на бабочек, с огромными крыльями, с тонкими лапками, с глазами! Да, у них есть глаза! Они глядят на меня, они видят меня, эти чудесные, неправдоподобные создания, эти феи, дочери священных стран, неосязаемого воздуха и жаркого света — отца мира. Да, у них есть крылья, есть глаза, есть оттенки, которых не воспроизведет ни один художник, они наделены всем очарованием, всей красотой, всеми формами, какие только могут пригрезиться. Их чресла расширяются, благоуханные и прозрачные, открытые для любви и более соблазнительные, чем любое женское тело. Невообразимые очертания их маленьких тел бросают опьяненную душу в рай идеальных образов, идеального сладострастия. Они трепещут на стеблях, словно собираясь улететь. Хотят ли они лететь, прилететь ко мне? Нет, это сердце мое летает над ними, как мистический муж, измученный любовью.

Ничье крыло не может коснуться их. Они одни со мною в той светлой темнице, которую я построил для них. Я гляжу на них, созерцаю, любуюсь ими, я обожаю их одну за другою.

Какие они сочные, глубокие, розовые — того розового цвета, который увлажняет губы желанием! Как я их люблю! Чашечка у них по краям завивается, там она бледнее шейки, и в ней прячется венчик — таинственный, заманчивый рот, сладостный на вкус, показывающий и снова скрывающий нежные, обаятельные и священные органы этих божественных маленьких созданий, которые приятно пахнут и не говорят.

Иногда меня охватывает страсть к одной из них, и страсть эта длится столько же, сколько длится существование ее предмета, — несколько дней, несколько вечеров. Тогда ее уносят из общей теплицы и заключают в крохотной стеклянной комнатке, где по ложу тропического газона, привезенного с Тихоокеанских островов, журчит ручеек. И я остаюсь с нею, пылкий, трепещущий, измученный, зная, как близка ее смерть, видя, как она увядает, пока я обладаю ею, пока в несказанной ласке я вдыхаю, впиваю, срываю ее короткую жизнь».

Закончив чтение отрывков, адвокат продолжал:

— Приличие, господа судьи, не позволяет мне сообщить вам дальнейшие удивительные признания этого извращенного мечтателя и безумца. Думаю, что тех выдержек, которые я предложил вашему вниманию, будет достаточно, чтобы оценить по достоинству этот случай душевной болезни, — болезни, которая в нашу эпоху истерических помешательств, вырождения и испорченности далеко не такая редкость, как это кажется.

Итак, я полагаю, что в том исключительном положении, в какое поставило мою доверительницу странное расстройство ее мужа, она имеет больше прав на развод, чем всякая другая женщина.

Примечания

Новелла была напечатана в «Жиль Блас» 31 августа 1886 года.

1 ...недавно скончавшегося злосчастного и диковинного короля... — Речь идет о короле Людовиге II Баварском (1845—1886), правившем с 1864 года; вследствие психического заболевания он был отстранен в июне 1886 года от управления, а несколько дней спустя бросился в озеро и утонул.